

Книга I
Медведь и Волк

– Эй, капитан, – бросил Лизентрайль, – знаешь, целы и здоровы лишь те, кто вообще ничего не делает. Небось, даже Творец, когда создавал Вселенную, – и тот недосчитался парочки зубов или пальцев.

Мчась за окаянным эльфом во главе отряда далигарских наемников, капитан Ранкстрайл по прозвищу Медведь пытался припомнить, сколько лет его преследует. И когда впервые о нем услышал – ведь было же время, когда он знать не знал о том, кого звали Проклятым.

С трудом ему удалось добраться до четкого воспоминания из глубокого детства. Еще во Внешнем кольце Варила, в тот самый день, когда родилась его сестра Фьямма, тетка Гуццария рассказала: мало того что эльфы – виновники всех бед на земле, у них еще и хвост есть, а самый лютей из них – враг людей и истребитель кур.

В следующий раз он услышал о нем в день, когда смастерил себе пращу и тем самым сделал первый шаг к будущей славе браконьера. Он поделился медом с каким-то оборванцем из тех, что ютились под бастионами, – армия бродяг с изувеченными ногами и кривой походкой, явно побывавших в лапах палача. Бедолага торопливо ковылял следом за ним, желая отблагодарить, и, заикаясь, говорил о Преследуемом, самом могучем эльфийском воине, о котором в старинном предсказании говорилось как о единственном хранителе прошлого и спасителе грядущего.

Капитан Ранкстрайл по прозвищу Медведь, начальник легкой конницы Далигара, дал себе слово, что теперь-то уж точно схватит его, Проклятого эльфа, – схватит и передаст в руки еще более проклятого Судьи-администратора. Тогда его отряд наконец

оставят в покое, и они смогут вернуться домой, чтобы оборонять от орков фермы и холмы. Там дети пасут скот, там бьют родники, к которым ходят за водой женщины. Прочь, прочь отсюда, от этих отчаявшихся людей и от их земли, истекающей болью.

В это самое мгновение все они — и эльф, и капитан со своими воинами — на всем скаку вынеслись из ущелья реки Догон. Впереди показался Варил, высокий и прекрасный. Окружавшие его стены вместе с огромной луной отражались в воде рисовых полей.

Внешнее кольцо полыхало. Полчища орков осаждали город. Они в любой момент могли увидеть мчавшуюся на них легкую конницу Далигара.

Капитан Ранкстрайл подумал, что нужно остановиться: тогда у него еще будет шанс спасти своих солдат. Варил осаждала не какая-то там орочья шайка, а целая армия. Часовые орков вот-вот заметят их, а в его распоряжении всего лишь небольшой и плохо вооруженный отряд.

Капитан Ранкстрайл подумал, что, если он немедленно не остановится, затрубят рога орков, и тогда захлопнется приготовленная эльфом ловушка, в которую он угодит как последний дурак, обрекая своих солдат на неминуемую смерть.

И еще он подумал, что остановиться будет еще ужаснее, потому что желал только одного — защитить охваченный огнем родной город или хотя бы пасть вместе с ним.

Эльф даже не сдерживал коня: выхватив на скаку меч, сверкавший во тьме словно факел, он бешеным галопом несся вперед, со всей легкой конницей Далигара за спиной. Всадники мчались за эльфом под огромной луной, отражавшейся в воде рисовых полей, мчались навстречу гибнущему в огне городу, навстречу оркам, приговорившим этот город к смерти.

Глава 1

Капитан Ранкстрайл по прозвищу Медведь, командир легкой конницы Далигара, как и большинство наемников, был родом из Пограничья, края между Изведанными и Неизведанными землями.

Когда-то в прошлом вооруженные солдаты охраняли укрепленные границы. Но Великие дожди, накрывшие всю страну несколько лет назад, затопили Пограничье со всеми его заставами и караульными башнями. Вязанки хвороста, заготовленные для подачи дымовых сигналов о приближении врага, плавали жалкими бесполезными плотиками. Возможности поднять тревогу и предупредить Народ людей об опасности больше не было.

Пограничные войска были отозваны, башни и укрепления развалились и превратились в пристанище для лягушек. Запасы капусты сгнили в грязи, зерно не проросло.

Здесьними землями овладела нищета, а вслед за ней пришли банды орков, гонимые голодом и ободренные людской нерадивостью; на границах их встретили только лягушки.

Семьи бросали дома, спасаясь от набегов орков, от жестокости и неистовства тех, что промышляли разрушением и только ему и радовались. Беженцы, гонимые повсюду, скитались, пока наконец, подобно жертвам кораблекрушения, не нашли пристанище во Внешнем кольце города Варила.

Капитан Ранкстрайл не мог помнить, как впервые увидел Варил: ему было всего несколько дней от роду, когда они покинули родную деревню. Все, что он тогда знал, — материнское молоко, ее запах да спина, за которой он лежал в мешке из старой рубахи на длинном ремне из плетеной кожи. Иногда это была спина его матери, но чаще — отца: он различал их по походке, которая

укачивала его, по голосу, тихо напевавшему колыбельную в бесконечной ходьбе.

Его семья была одной из многих, сбежавших от орков. Его история, тоже одна из многих, как две капли воды походила на истории других: крики в ночи, двери, павшие под ударами топоров, куры, заживо горевшие в курятниках, и дым, в котором не было ни запаха жаркого, ни аромата розмарина.

Ясным весенним вечером, незадолго до того как солнце скрылось за цветущим миндальным холмом, на котором выселись городские стены из белого мрамора, они пришли в Варил. В воде рисовых полей отражались город и небо — казалось, что город этот висит в воздухе, утопая в голубизне, подкрашенной золотом заката.

Мальша Ранкстрайла городские стены впечатлили не больше курятника в его родном селении. Если он, конечно, вообще их заметил. Во всяком случае, он не выказал ни малейшего к ним интереса и продолжал сладко дремать в своем полотняном мешке. И все же тот день запечатлелся в его памяти. Потому что это первое впечатление — белые мраморные стены и рисовые поля, ошеломившее людей великолепие, благодарность этому чужому городу, где их, скитальцев без клочка земли, любезно приютили, милосердно не прогнали, — стало привычной историей, которую отец тихим голосом рассказывал ему на ночь.

С раннего детства Ранкстрайл считал Варил своей родиной, он почел бы за честь сражаться за него. Если бы ему предложили выбрать, за что отдать жизнь, он выбрал бы Варил.

С раннего детства он задавался вопросом, что будет после смерти.

Мальчишки, играя в рыцарей, говорили, что героев, павших за свою родину, боги одаривают вечным блаженством. Непонятно, что это означало. Ранкстрайл решил, что вечное блаженство — это что-то вроде особого обхождения, когда колбаса, сушеный инжир, свежий козий сыр, а главное, мед — наилучшая из сластей — не просто у тебя есть, а есть в изобилии.

Ранкстрайл узнал вкус меда за день до рождения своей сестры Фьяммы. Ясным солнечным утром он, как всегда, помогал матери — прачке — нести большой короб с бельем в дом принца Эрктора, недавно избранного королем. Дом принца находился в Цитадели, в самом сердце города, разделенного на три кольца: центральное — Цитадель, вокруг — Среднее и Внешнее кольца.

Цитадель была самой высокой частью, древним гнездом знати. Здесь среди пышных садов возвышались дворцы с роскошными колоннами. Между лимонными и апельсиновыми деревьями, обрамляющими булыжные мостовые, били фонтаны.

Для своего возраста Ранкстрайл был довольно рослым и сильным, как, впрочем, и большинство детей Пограничья. Он сам ходил за водой, рубил дрова и помогал матери таскать корзины с бельем. Сколько Ранкстрайл себя помнил, мать всегда работала прачкой. Когда у нее вдруг начал расти живот, из разговоров соседок Ранкстрайл понял, что там у нее ребенок, еще слишком маленький, чтобы жить снаружи, как он. Мама уже не могла все делать сама, как раньше. Вода стала для нее слишком холодной, корыто — слишком низким, а корзина с бельем — слишком тяжелой. Ранкстрайл, который до сих пор ходил с ней, просто чтобы быть рядом, принялся ей помогать, от чего преисполнился гордости. Благодаря ему она не потеряла работу прачки — занятие, которое каждый день обеспечивало всей семье ужин, а то и завтрак: отец Ранкстрайла был хорошим плотником, да только не все его заказчики были хорошими плательщиками.

Ранкстрайл не задавался вопросом, сколько ему лет, — бедняки не придавали этому значения, — то ли пять, то ли шесть. Кроме редкого плача во младенчестве, он почти не издавал никаких звуков. Он еще не говорил, редко смеялся и еще реже плакал.

Обычно в доме господина Эрктора их встречала угрюмая экономка и принималась просматривать принесенные вещи на просвет, выискивая невидимые пятна — лишь бы объявить прачку нерадивой и заплатить поменьше. Но в тот день им повезло: в большой комнате с бельевыми шкафами их встретила еще и высокая и прекрасная дама Лючилла, хозяйка дома. Она отмети-

ла, что белье выстирано идеально и маме полагается двенадцать монет — в два раза больше оговоренного, простонала экономка. Дама была выше мамы Ранкстрайла, у нее тоже был большой живот и на лице сияла улыбка. Ее светлые волосы, заплетенные в косы, короной оплетали голову и блестели в первых лучах утреннего солнца. Коричневые, охряные, черные и серые заплатки на платье прачки напоминали осенние поля на холме Варила. Сияющее ровной белизной платье дамы украшали маленькие белые горошины, которые блестели подобно холму и всем окружающим землям, покрытым снегом. Такие же белые горошинки поблескивали в косах.

— Какой у вас славный мальчик! Помогает носить корзину! Вы, наверное, не нарадуетесь на такого помощника! — воскликнула госпожа, а мама покраснела как рак.

Ранкстрайл удивился, но слова ему понравились. Первый раз к его маме обращались на «вы», прачкам обычно «вы» не говорят. Он почувствовал, что это была одна из тех вещей, которые хоть и не наполняют желудок, но от них все равно приятно — как от запаха свежее испеченного хлеба или от тепла очага, у которого можно согреть зимой ноги.

— И у меня скоро будет малыш, первенец, — продолжала дама, нисколько не смущаясь молчанием его матери. — Надеюсь, он тоже будет сильным, как ваш, и таким же славным. Если родится мальчик, мы назовем его Эрик. Но, я вижу, вы ждете еще одного ребенка! Когда?

Мама молчала. Ранкстрайл понимал: она оцепенела от того, что отец называл застенчивостью. Это что-то вроде страха, который охватывал маму всякий раз, когда ей приходилось заговаривать с незнакомцами, будь это последний оборванец Внешнего кольца или, как сейчас, знатная дама.

— Эй ты! — злобно рявкнула экономка. — Отвечай, когда к тебе изволит обращаться госпожа!

Мама, и без того пунцовая от смущения, стала краснее перца, что рос у Северных ворот. Ранкстрайл обожал его: зажаренный, он почему-то напоминал по вкусу мясо, хоть откуда там взяться мясу.

— Я... — с трудом произнесла мама, но дама вмешалась, и ее спокойный голос заворожил Ранкстрайла. В их квартале стоял вечный ор, соседи кричали, даже когда просто здоровались, — что уж тут говорить о настоящих перебранках. А вот дама выразила свой гнев, даже не повысив голоса: ей стоило только взглянуть на экономку, как та тут же побледнела и умолкла, хотя ее никто и пальцем не тронул.

— Мне очень жаль, — проговорила дама голосом твердым и острым, как лезвие ножа, — и стыдно, что в моем доме прозвучала подобная грубость. Как я могла допустить подобное... Как мне загладить вину? Хочешь меда, малыш?

Она обратилась прямо к Ранкстрайлу. Он представил сладкую тягучую струю янтарного цвета и немедленно кивнул. Экономка возмущенно подскочила, мама еще больше покраснела, и он скрепя сердце помотал головой: нет. Экономка вздохнула, но дама сделала вид, что ничего не заметила.

— Прошу вас, следуйте за мной, — весело пригласила она не допускающим возражения тоном.

Ранкстрайл радостно бежал за ней вприпрыжку и думал, что даму Лючилу не так-то просто обескуражить.

Дама привела их в огромную кухню, где под каменными сводами блестели напоминавшие кирасы большие котлы, свисали бесконечные гирлянды лука, чеснока и сухого перца, целые окорока и длинные, точно драконий хвост, связки колбасы. Ранкстрайлу показалось, что все это ему снится. Дама приказала кухарке, такой же угрюмой и презрительной, как экономка, выдать ему горшок меда.

Кухарка долго обшаривала взглядом полки. Она явно искала самый маленький из всех стоящих в ряд горшков. Когда она наконец нашла самый ничтожный, как ей казалось, горшочек и неохотно вручила его ребенку, тот, крепко сжимая в руках свой подарок, с еле заметной торжествующей улыбкой указал ей глазами на одну из полок, где стоял горшочек еще меньше того, что она выбрала. Ранкстрайлу нравились размеры и формы: как только

они вошли в кухню, он сразу подсчитал, что их дом поместился бы в ней восемь раз в длину и полтора в высоту. Ровность и четкость кругов колбас под балками зачаровали его куда больше, чем их гастрономические достоинства. Куда бы он ни попал, Ранкстрайл сразу же выделял самой большой или самый маленький предмет. Вот и здесь самый большой из ярко блестящих, начищенных медных котлов висел над центральным камином. Самый маленький — рядом с косичкой чеснока, третьей по величине среди себе подобных.

Кухарка уставилась на Ранкстрайла так, как во Внешнем кольце смотрят на живых тараканов или на дохлых лягушек. Перевела глаза на маму, которая вновь покраснела и прикрыла рукой щеку. Ту щеку, которая когда-то обгорела, из-за чего улыбка выходила кривоватой. Наверное, поэтому мама так редко улыбалась, а жаль. Улыбаясь, она становилась такой красивой, что Ранкстрайл готов был любоваться ею хоть целый день. До мальчика долетали обрывки рассказов вечно болтавших соседок: как пришли орки, как огонь охватил курятники, как женщины обгорали, пытаясь вытащить из огня хоть одну курицу. Мама обожгла лицо, спасая Нереллу — их единственное богатство, которая до сих пор жила с ними и в благодарность за свое спасение почти каждое утро несла по яйцу.

— Кто тебе рожу-то подпалил? Хахаль, небось? Вот жаль! — прошипела кухарка приглушенно, чтобы не услышала госпожа. — Без этого ты, может, была бы не такой уродкой.

Мама, по-прежнему краснея, застыла молча.

Ярость захлестнула Ранкстрайла. Он моментально прикинул, как справиться с противником в два раза выше и в три раза тяжелее его самого. Испугаться он даже не подумал. Мальчик повернулся к матери, чтобы отдать ей горшочек меда, но ее отчаявшийся и почти умоляющий взгляд остановил его. Мама не хотела, чтобы он сражался за нее. Ранкстрайл вспомнил, как она огорчилась в тот раз, когда он избил двух мальчишек намного старше его, которые дразнили ее, пачкали белье и обзывали уродиной. Это